на него недовольство властей. Этот эпизод был первым раундом в собственно политическом конфликте по вопросу о допустимости личной сатиры, конфликте, который продолжал развиваться во второй половине века (в особенности в спорах вокруг сатирических журналов).

В нападках Тредиаковского на Сумарокова ощущается не только стремление к самозащите, но и страх перед выходом в еще незнакомую публичную сферу. Ввиду почти полного отсутствия критического дискурса в России той эпохи подобный отзыв о Сумарокове, пусть и анонимный, мог сыграть роль политического доноса. Как писал К. Папмел, «в течение практически всей первой половины <XVIII> века и буква закона, и административная практика были прямо враждебны всякой форме независимого самовыражения».[15] Через несколько лет, когда неприязнь Тредиаковского к Сумарокову и к своим противникам в Академии еще более усилилась и он все более чувствовал себя в изоляции, он прибег к таким мерам, как прямой «извет» (донос) на Сумарокова святому Синоду и «подметное письмо», т. е. старый анонимный политический донос времен Петра I.[16] Но эти попытки воспользоваться авторитарными приемами лишь еще более подорвали его позицию.

Вообще, для русского классицизма и критика, и литература, по словам Г. А. Гуковского, сами по себе являлись «эстетическим воплощением идеи государственной дисциплины»,[17] т. е. никакого разрыва между частными и государственными интересами еще не чувствовалось. По тогдашним понятиям, литература, как и государство, которому она служила, управлялись идеальными, обязательными, нормативными законами. Г. А. Гуковский писал, возможно имея в виду именно «Письмо» Тредиаковского: «Никогда в другое время критика не походила в такой мере на судебный процесс, где судья сурово, решительно и безапелляционно изрекает приговор, продиктованный статьями кодекса, не им созданного, но для него обязательного и даже священного».[18] Вера в та-

---

[15] *Pampehl K. A.* Freedom of Expression in Eighteenth-Century Russia. The Hague, 1971. P. 6.

[16] См.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук. С. 188–199, 546; *Григорович Н.* Извет Третьяковского (sic!) на Сумарокова // Русский архив. 1907. № 12. С. 460–462.

[17] *Гуковский Г. А.* Русская литературно-критическая мысль в 1730–1750 годы. С. 126. Гуковский пишет, что в 1730–1750-е годы «литература — не частное дело; меньше всего она соотносится со стремлениями отдельных лиц <. . .> Она возникает и существует, или, точнее, должна существовать, в меру своей государственной пользы» (там же. С. 117).

[18] Там же.